

Научная статья
УДК 130.122
DOI: 10.46724/NOOS.2025.1.74-81

С. С. Поликарпов, Т. А. Никитенко

ФИЛОСОФСКИЙ КЛУБ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. В фокусе внимания представленной статьи находятся концептуальные ориентиры такого неформального образовательного объединения, как философский клуб. Доказывается, что современный педагогический дискурс, который (нередко) интерпретирует процесс познания как процесс развития критического мышления и преобразования коммуникативных навыков, не учитывает ценностные и методологические координаты философского клуба, сводя мышление к практике верификации, а беседу — к практике обмена информацией. Тем не менее авторы статьи настаивают, что субстанциональное основание философского клуба определяется двумя специфическими концептами: в первую очередь, это концепт подозрения, когда мышление не только воспроизводится, замыкаясь на самом себе, но и активно «разоблачается», ставится под сомнение; и — далее — это концепт диалога (Бахтин), который подчеркивает значимость многоголосия для приобретения философской идентичности. Показано, что данные концептуальные ориентиры ставят философский клуб в особое положение, в котором он реализуется «перпендикулярно» наличному педагогическому контексту.

Ключевые слова: философия, педагогика, философский клуб, контекст, концепт, ориентир, критическое мышление, подозрение, диалог.

Ссылка для цитирования: Поликарпов С. С., Никитенко Т. А. Философский клуб: концептуальные ориентиры и педагогический контекст // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 74—81.

Original article

S. S. Polikarpov, T. A. Nikitenko

PHILOSOPHY CLUB: CONCEPTUAL ORIENTATIONS AND PEDAGOGICAL CONTEXT

Abstract. The focus of the proposed article is on the conceptual guidelines of such an informal educational association as a philosophical club. It is argued that modern pedagogical discourse, which (often) interprets the process of learning as a process of developing critical thinking and transforming communicative skills, does not take into account the value and methodological coordinates of the philosophical club, reducing thinking to the practice of verification, and conversation to the practice of information exchange. Nevertheless, the authors of the article insist that the «nature» of the philosophical club is defined by two specific concepts:

© Поликарпов С. С., Никитенко Т. А., 2025

first of all, it is the concept of suspicion, when thinking is not only reproduced, closing in on itself, but also actively «exposed», questioned; and — further — it is the concept of dialogue (Bakhtin), which emphasizes the significance of polyphony for the acquisition of philosophical identity. It is shown that these conceptual guidelines put the philosophical club in a special position, when it exists and is realized as if perpendicular to the existing pedagogical context.

Keywords: philosophy, pedagogy, philosophy club, context, concept, reference point, critical thinking, suspicion, dialogue.

Citation Link: Polikarpov S. S., Nikitenko T. A. (2025) Philosophy club: conceptual orientations and pedagogical context, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 74—81.

Нередко в педагогическом контексте прослеживается дискурс, который утверждает, что философия, являясь «дисциплиной, которая позволяет исследовать фундаментальные вопросы человеческого существования, познания и морали» [Кузин, 2023: 17], занимает центральное место в формировании критического мышления и культурной идентичности студентов [Кондратьева, 2018: 127]. Другими словами, философия развивает навыки анализа, синтеза, классификации, аргументации, а также помогает студентам осознавать современность и выражать собственное мнение по социальным, экономическим, политическим и другим вопросам. Однако — и здесь можно вспомнить Николая Осипова [Осипов: 2015], создателя московской школы психоанализа, — подобного рода высказывания можно интерпретировать иначе, «онейрическим» образом; как «смещения», в результате которых философия, пусть и сохраняя некоторые свои координаты, все же оказывается на заднем плане, вследствие чего ее истинная роль и значение остаются недооцененными. Такой подход, по нашему мнению, правомерен, но только потому, что в границах педагогического дискурса маркеры «развития» и «осознания» приписываются каждой академической дисциплине, что, в конечном счете, приводит к искажению уникального облика философии. Тем не менее известно, что философия не только «развивает» когнитивные способности, не только содействует «осознанию» сегодняшнего дня, но и осмысляет, а точнее, облекает в понятийную форму сам дискурс о «развитии» и «осознании» разнообразных явлений и процессов [Пятигорский, 2021: 32] — дискурс, присущий, в том числе, и самой педагогике.

Таким образом, перед нами вырисовывается картина раскола: с одной стороны, актуальная педагогическая повестка с ее прогрессистским наполнением; с другой стороны, философия и ее интеллигентная интенциональность. Мы полагаем, что наиболее ярко данная коллизия выражается ровно в тот момент, когда в образовательной среде появляются структуры, располагающиеся «перпендикулярно» господствующим методологическим и методическим установкам. Чаще всего эти структуры не вписываются в парадигму педагогической инновации, делая при этом то, что можно назвать темпоральным изменением положения субъекта: преподаватель и студент идентифицируются с фигурой *studentis* — лица, как считали в Древнем Риме, занятого исключительно процессом познания [Хайдеггер, 1993: 202]. Одной из таких структур может являться философский клуб — объединение людей, возникшее из желания философствовать, т. е. создавать, преобразовывать и трактовать концепты. Представляя собой сообщество так называемых «студентов», философский клуб также реализует себя в качестве «малой утопии», апологетом которой выступил Платон

в небезызвестном диалоге «Пир». Заметим, что в этом ракурсе «расхождение» философского клуба и наличного педагогического контекста является слепком платоновского конфликта, где «Пир» гетерогенен «Государству» — государству как «большой утопии», которой должны править философы, «призванные ради политических дел оставить свои пиршественные диспуты» [Абдуллаев, 2007: 192]. В то же время, если задаваться вопросом о причинах несоответствия «малой утопии» философского клуба и «утопии большой» (педагогический контекст), то в первую очередь следует обратить внимание на концептуальные ориентиры философского клуба, поскольку именно они, согласно нашей гипотезе, и формируют то особое эпистемологическое поле, которое отказывается или — что более вероятно — не может идентифицироваться с требованиями и пропозициями образовательной среды. Чтобы осмыслить данные ориентиры, мы воспользуемся конкретным опытом — работой философского клуба ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Но для начала поставим философский клуб в позицию культурного артефакта, рассмотрев его специфику в исторической ретроспективе.

История «неформальных» философских групп уходит корнями в глубокое прошлое: это и формирующие мировоззрение учеников беседы Сократа, и платоновская «Академия», и аристотелевский «Лицей», и сад Эпикура. Условиями появления таких групп, по мнению Олега Донских, являются традиция, наличие харизматического лидера и свобода общения [Донских, 2015: 91]. Тем не менее в ракурсе данной статьи можно выделить и другое, дополнительное условие. Так, если обращать внимание на отечественный опыт, то можно констатировать, что первые философские объединения начали возникать лишь в первой половине XIX столетия, но в своеобразной исторической ситуации, когда методические и аксиологические координаты образовательной среды начали определяться «теорией официальной народности». В связи с этим нельзя не процитировать Андрея Сухова, который писал, что «один из парадоксов российской философии XIX в. состоит в том, что ее расцвет пришелся на период серьезного административного давления и усиления политических репрессий» [Сухов, 2009: 12]. Интересно, что в этом (социальном) горизонте философские кружки приобретали дискурсивную роль: они становились местами интеллектуальных бесед, где участники могли свободно обсуждать актуальные идеи, обмениваться мнениями и формировать свои собственные взгляды на различные аспекты жизни и общества. «Кружки могли собираться по несколько раз в неделю», а их «заседания затягивались надолго» [там же: 13]. Как пишет Сухов, «начавшись вечером, заседания нередко заканчивались под утро; наилучшие ораторы занимали аудиторию часами. Но бывало и так, что не все члены того или иного кружка каждый отрезок времени проживали в одном и том же месте; иногда кружок трансформировался в свою разновидность — круг общения. Устное творчество дополнялось эпистолярным. Изложение мнений, концептуальных установок давалось в письмах. Не являлось исключением, что письмо разрасталось в целый трактат. Адресованное одному из членов кружка письмо, содержавшее философские мнения, немедленно становилось достоянием остальных; оно читалось и перечитывалось» [там же: 14].

Другой пример соотносится с последней четвертью XX века, т. е. с периодом реформ, которые поставили Россию в один ряд с демократическими государствами Европы и Северной Америки. Отметим, что в этот период философские клубы начинают приобретать особую популярность: их участниками

становятся не только студенты и преподаватели, но и обычные люди. Ксения Ерофеева считает, что востребованность неформальных философских объединений была связана с тем, что многие аспекты отечественной и мировой философии, которые были идеологически недоступны до начала 80-х гг. XX века, стали открыты для осмысления и дискуссий [Ерофеева, 2019: 85]. В то же время появляются авторские философские курсы; меняется система взаимодействия преподавателя и студента: «Университетский профессор, наконец, получает свое естественное право давать студентам и по-своему интерпретировать тот материал, который он глубже знает и считает наиболее важным для воспитательного воздействия своей дисциплины. Таким образом, происходит встречное движение преподавателя и студента. Первый готов поделиться своими размышлениями и идеями с молодежью и получает для этого относительную свободу, а второй стремится с благодарностью воспринять и самостоятельно осмыслить эти идеи» [там же: 86]. Нельзя не сказать, что, как и в XIX столетии, философские клубы конца XX века становятся местами поиска новых смыслов, формирования традиций философского вопрошания, осмысления мировоззренческих вопросов. Иными словами, философские клубы в очередной раз ставят себя в оппозицию времени. Вследствие этого можно заключить (учитывая соответствующий исторический опыт), что не в последнюю очередь философский клуб связан с тем напряжением, которое существует между философией и окружающим миром, с его обстановкой и установками. Поскольку философия всегда идентифицировала себя как нечто противоположное наличной действительности, постольку и философские клубы, будучи сопричастными среде, все же существовали (и существуют) в парадигме отрицания данной среды. Повторим, отчасти эта коллизия прослеживается уже в платоновской мысли: в конфликте двух произведений — «Пира» и «Государства», и «природу» данной коллизии и позволяют раскрыть концептуальные ориентиры философского клуба.

Прежде всего необходимо сказать, что субъекты (это могут быть студенты, магистранты, аспиранты и, безусловно, преподаватели), которые выразили желание стать частью философского клуба и в результате посетили его ближайшее заседание, оказываются в известной этической ситуации, когда каждое мнение и каждая идея могут быть подвергнуты критическому анализу и обсуждению [Родина, 2012: 9]. Можно сказать, что данные этические паттерны составляют педагогический инвариант работы философского клуба, и он — данный инвариант — продуцирует определенную атмосферу для интеллектуального общения. На заседаниях клуба предоставляется возможность не только исследовать значимые философские концепты, но и задавать, интенсифицировать и опровергать вопросы, которые могут возникать в ходе соответствующих дискуссий: это могут быть как простые «почему?» и «зачем?», так и более сложные запросы на объяснение — «Каковы последствия Вашего утверждения?», «Как Ваша идея соотносится с другими философскими традициями?» и т. д. Таким образом, участники клуба получают возможность: а) видеть мир оптикой своих личных убеждений, т. е. сугубо индивидуальным образом; б) видеть мир «отстраненно», глазами своего собеседника. Все это, в нашем понимании, подчеркивает спатально-педагогическую значимость философского клуба: фактически он является местом, где каждый голос имеет значение и определенный результата, а все это — вспомним актуальный социальный запрос — связано с ценностями взаимоуважения, гражданственности, достоинства.

С другой стороны, не следует забывать и том, что философский клуб является также — философским (чит.: нередко идущим в разрез с требованием времени [Хайдеггер, 1993: 86]). Поэтому, обозначив его сопричастность педагогическому контексту, следует эксплицировать и тот концептуальный ориентир, который, как мы отметили ранее, и может располагать философский клуб «перпендикулярно» наличному педагогическому контексту. И здесь, на наш взгляд, необходимо вспомнить Поля Рикера, а точнее, его работу «Конфликт интерпретаций: очерк о герменевтике» [Рикер, 2008], где утверждалось, что современное философское мышление, предопределяемое главным образом учениями Маркса, Ницше и Фрейда, реализуется в виде подозрения; иными словами, в такой перспективе, когда за фасадом бытия наблюдаются скрытые интересы, бессознательные решения и более глубокие, зачастую намеренно скрывающиеся «истины». Мы убеждены, что, будучи вовлеченным в современное философское мышление и фактически являясь его продуктом, философский клуб не может не создавать ситуацию, когда студенты, магистранты и преподаватели соотносят себя с тем, что напрямую противоречит критическому осмыслению окружающего мира, а именно — с подозрением. И оно, данное подозрение, определяет коэргитивную силу клуба. В результате этого пространство философского клуба становится пространством, где ценность каждого мнения не только признается, но и активно исследуется, «разоблачается». Таким образом, философский клуб предстает в виде интеллектуальной площадки, где, с одной стороны, циркулируют различного рода мнения, интересы; с другой стороны, продуцируется и преобразуется философская идентичность субъекта. Если же обращать внимание на сущность подозрения, то следует уточнить, что оно кардинально отличается от критического мышления, о котором нередко говорит педагогический дискурс, имея в виду способы соотношения чувственных представлений с некоей «реальностью» посредством анализа и оценки данных представлений [Кондратьева, 2018: 126]. Подозрение — и здесь можно вспомнить Александра Пятигорского — есть мышление о мышлении, и данный процесс осуществляется с целью выявления социально и политически обусловленных штампов, формирующих самые общие представления о мире и влияющих на процесс интерпретации реальности [Пятигорский, 2021: 25]. Отметим, что в нашем понимании проблематика встреч философского клуба может стать хорошей основой для реализации практики подозрения, особенно тогда, когда актуализируются нефилософские и ненаучные формы познания мира (одна из самых востребованных тем в философском клубе ЯГПУ им. К. Д. Ушинского).

Продолжая размышления о концептуальных ориентирах философского клуба, следует подчеркнуть, что его основополагающей и, можно сказать, «стандациальной» предпосылкой является диалог. Укажем, что нередко в границах педагогического дискурса диалог рассматривается в виде возможности, и преимущественно в виде возможности развивать персональные мысли и идеи в безопасной, экологической, по сути, в терапевтически ориентированной атмосфере [Мосиенко, 2009: 140]. Это также означает, что диалог действительно связан с обменом мнениями, но лишь во вторую очередь: прежде всего диалог является процессом, в котором каждый участник может без какого-либо травматического опыта выразить свои взгляды, сомнения, интересы, соблюдая при этом и некоторый этический кодекс, когда требуется уважать других и вдумчиво, с интересом прислушиваться к их позициям (так называемое

«активное слушание»). В то же время и педагогический дискурс уделяет данному аспекту особое внимание, диалог способствует формированию так называемой «творческой» личности — личности, обладающей инновационным духом и креативными навыками, включая навык трансформировать и развивать услышанные мысли в определенные, социально значимые проекты [Тетерский, Подосинникова, 2023]. Таким образом, диалог становится инструментом духовного обогащения и интеллигентного производства, а место, где он разворачивается, преобразуется: из места интеллектуального обмена в пространство личностного роста, общественного развития. В некотором смысле все обозначенные выше подходы реализуются и в философском клубе, поскольку, как сказано выше, его «субстанциальной» предпосылкой является диалог. Кроме того, опыт работы философского клуба ЯГПУ говорит о том, что студенты, магистранты и другие участники клуба видят его главную задачу в том, чтобы организовывать конструктивную беседу по заранее обозначенной проблеме.

Впрочем, философский клуб работает и на более широкую концептуальную перспективу, и по этой причине означающее диалога — с целью приобретения необходимого означаемого — можно экстраполировать в философский дискурс Михаила Бахтина, который: а) акцентирует важность многоголосия и взаимодействия различных точек зрения в процессе самоидентификации; б) подчеркивает необходимость разоблачения так называемых «склеротических отложений», когда слова функционируют так, словно бы они имеют некоторое сущностное предназначение, подвергшееся, однако, забвению. Тем не менее, поскольку разоблачение «склеротических отложений», стремящееся, как отмечал Бахтин, доказать, что истина никогда не является фиксированной или окончательной, во многом пересекается с практикой подозрения [Волошинов, 1993: 34], сфокусируем наше внимание на процессе самоидентификации. И в первую очередь отметим, что в понимании отечественного мыслителя человеческое бытие основано на взаимодействии с другим, вследствие чего само понятие «быть» следует осмыслять диалогически, посредством акта общения, продуцирующего некоторый смысл и некоторую значимость. В этом ракурсе Бахтин справедливо допускает, что одиночный голос не может решить вопрос о целесообразности своего существования, и по этой причине он начинает поиски другого, второго голоса, создающего проекцию минимального выражения жизни, которая «завершается ровно в тот момент, когда заканчивается диалог» [там же: 43]. В горизонте работы философского клуба позиция Бахтина означает, что диалог — это не только обмен мнениями, имеющий определенные личностные и социальные дивиденды, но также и процесс, в котором индивид становится личностью, осознающей присутствие и значимость другого. Подобное осознание сложно переоценить, поскольку, как отмечал Жан-Поль Сартр, другой является источником травмы [Сартр, 2000: 315]. Его взгляд — взгляд другого — манипулирует человеком, формируя его сущность, извлекая его из неопределенности и позволяя видеть себя со стороны включенным в жизнь. Кроме того, именно другой обладает тайной, которая раскрывает суть человека. Отсюда, как нам кажется, можно заключить, что диалог в границах философского клуба лишь формально связан с обменом мыслями и идеями; диалог является актом, формирующим идентичность индивида в онтологической перспективе.

Философский клуб представляет собой действительно уникальную образовательную или — если говорить шире — гносеологическую платформу, которая существует «перпендикулярно» актуальному педагогическому контексту. Являясь слепком «архетипического» философского конфликта — коллизии между «малой утопией» и утопией «большой», философский клуб, тем не менее, не только отражает традиции философского мышления, начиная с античных времен, но и адаптируется к современным эвристическим и методологическим реалиям, создавая пространство для реализации двух философских практик, — подозрения (Маркс, Ницше, Фрейд) и диалога (Бахтин). Данные концепты и образуют субстанциальную значимость философского клуба, и она — данная значимость — продуцирует более широкие познавательные и социально-психологические перспективы, выходя, в том числе, и за пределы таких педагогических категорий, как критическое мышление и коммуникация.

Библиографический список / References

- Абдуллаев Е. В. «На пире Платона во время чумы...». Об одном платоновском сюжете в русской литературе 1830—1930-х годов // Вопросы литературы. 2007. № 2. С. 189—209.
- (Abdullaev E. V. «At Plato's feast during the plague...». About one Platonic plot in Russian literature of 1830—1930-s, *Literature Questions*, 2007, no. 2, pp. 189—209. — In Russ.)
- Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 196 с.
- (Voloshinov V. N. *Marxism and the philosophy of language*, Moscow, 1993, 196 p. — In Russ.)
- Донских О. А. О специфике неформальных философских объединений (кружков) // Идеи и идеалы. 2015. № 3. С. 82—91.
- (Donskikh O. A. On the specifics of informal philosophical associations (circles), *Ideas and Ideals*, 2015, no. 3, pp. 82—91. — In Russ.)
- Ерофеева К. Л. Студенческий философский клуб. Размышления о слове и цифре // Вестник Ивановского государственного университета. 2019. № 2. С. 84—88.
- (Erofeeva K. L. Student Philosophy Club. Reflections on word and figure, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2019, no. 2, pp. 84—88. — In Russ.)
- Кузин В. С. Что такое философия // Идеи и идеалы. 2023. № 1. С. 11—34.
- (Kuzin V. S. What is Philosophy, *Ideas and Ideals*, 2023, no. 1, pp. 11—34. — In Russ.)
- Кондратьева С. Б. Преподавание философии в вузе: проблемы, прогнозы, перспективы // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 122—131.
- (Kondratyeva S. B. Teaching philosophy at university: problems, forecasts, prospects, *Knowledge. Understanding. Mindfulness*, 2018, no. 4, pp. 122—131. — In Russ.)
- Мосиенко Л. В. Генезис педагогического знания о диалоге // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 11. С. 131—152.
- (Mosienko L. V. Genesis of pedagogical knowledge of dialog, *Orenburg State University Bulletin*, 2009, no. 11, pp. 131—152. — In Russ.)
- Осипов Н. Е. Психоаналитические и философские этюды. М.: Академический проект, 2015. 612 с.
- (Osipov N. E. *Psychoanalytic and philosophical etudes*, Moscow, 2015, 612 p. — In Russ.)
- Пятигорский А. М. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии. М.: Азбука, 2021. 192 с.

(Piatigorsky A. M. *Thinking and observation. Four lectures on observational philosophy*, Moscow, 2021, 192 p. — In Russ.)

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 685 с.

(Ricoeur P. *The Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics*, Moscow, 2008, 685 p. — In Russ.)

Родина Е. Н., Тивикова Н. А., Котова С. С. Роль философии в формировании мировоззренческих доминант студентов: опыт организации и работы философского клуба // Учебный эксперимент в образовании. 2012. № 4. С. 7—10.

(Rodina E. N., Tivikova N. A., Kotova S. S. The role of philosophy in the formation of worldview dominants of students: the experience of organization and work of the philosophical club, *Educational Experiment in Education*, 2012, no. 4, pp. 7—10. — In Russ.)

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 649 с.

(Sartre J.-P. *Being and nothingness: Experience of phenomenological ontology*, Moscow, 2000, 649 p. — In Russ.)

Сухов А. В. Литературно-философские кружки в истории русской философии: (20—50-е годы XIX века). М.: ИФ РАН, 2009. 151 с.

(Sukhov A. V. *Literary and philosophical circles in the history of Russian philosophy: (20—50 years of the XIX century)*, Moscow, 2009, 151 p. — In Russ.)

Тетерский С. В., Подосинникова А. В. Сущность и система развития творческого потенциала личности // Педагогические исследования. 2023. № 1. С. 42—209.

(Tetersky S. V., Podosinnikova A. V. Essence and system of development of creative potential of the personality, *Pedagogical studies*, 2023, no. 1, pp. 42—209. — In Russ.)

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

(Heidegger M. *Time and being: articles and speeches*, Moscow, 1993, 447 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 18.02.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Поликарпов Сергей Сергеевич — кандидат культурологии, доцент кафедры философии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, polikarpov-1992@inbox.ru

Polikarpov Sergey Sergeevich — Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Philosophy, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, polikarpov-1992@inbox.ru

Никитенко Татьяна Александровна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, ta.nikitenko@yandex.ru

Nikitenko Tatiana Aleksandrovna — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, ta.nikitenko@yandex.ru